

Редакционная коллегия:

Б. И. Козлов (и. о. главного редактора), В. В. Бабков, Вл. П. Бизгин, В. А. Волков, В. Л. Гвоздецкий, В. Г. Горохов, С. С. Демидов, Ю. А. Жданов, С. Г. Кара-Мурза, В. П. Карцев, С. П. Капица, В. Ж. Келле, В. И. Корюкин, В. И. Кузнецов, А. М. Кулькин, Л. А. Маркова, С. Т. Мелюхин, В. М. Орел, С. Я. Плоткин, Л. С. Полак, А. И. Половинкин, Б. В. Раушенбах, И. А. Резанов, В. Н. Сокольский, А. Л. Тахтаджян, Д. Н. Трифонов, А. Н. Шамин, М. Ю. Шевченко (ответственный секретарь), Б. Г. Юдин, М. Г. Ярошевский

Адрес редакции: Москва, 103012, Старопанский пер., 1/5

Телефоны 928-11-90, 924-45-40, 928-10-29

Заведующая редакцией *М. М. Королева*

Л. С. КЛЕЙН

РАССЕЧЬ КЕНТАВРА.

О соотношении археологии с историей в советской традиции

— В сочетании, госпожа моя, составные части нередко теряют самое ценное...

— Это было бы справедливо, брат, будь у тебя голова и плечи коня, а туловище и ноги мужчины.

Джон Андайк. Кентавр. Гл. I

1. Спор о предмете археологии. В советской археологической науке уже несколько десятилетий идет ожесточенный спор о предмете археологии [1—11]. Я активный участник этого спора, занимаю в нем вполне определенную позицию [12—15], и у меня нет оснований от нее отступаться. Но чтобы сделать мои соображения более понятными и вразумительными для всех, постараюсь начать с общепризнанных истин и общеприемлемых предложений, взывая к рассудительности и здравому смыслу. Тут я намерен проявить максимально возможную для меня уступчивость и готовность понять противоположную точку зрения. Можно ведь, вероятно, попытаться извлечь нечто общее из противоположных высказываний и сформулировать заключения, которые устроят всех. По крайней мере, в отправных положениях и аргументах.

Ни в одной другой стране такой интенсивной дискуссии по вопросу о предмете археологии нет. И за пределами нашей страны археологов, конечно, занимает предмет их науки — он интересует теоретиков археологии, авторов введений в науку, популяризаторов археологии. Они посмеиваются над его кажущейся простотой (предлагаются определения: «археология — это то, что делают археологи», «нет археологии, есть только археологи»), задумываются над его ловушками, сопоставляют с трудностью определения других общепризнанных наук (математика, география, история, социология) и на этом успокаиваются. По-настоящему это никого не волнует. Острота вопроса у нас объясняется, несомненно, особыми отношениями археологии с историей в нашей стране. Впрочем, отдельные аспекты этих отношений всплывают и за рубежом.

Если я скажу, что археология — служанка истории, то встречу бурное возмущение оппонентов. Если уравнию археологию в правах с историей и соответственно признаю археологию параллельной истории (и, стало быть, параллельной историей), то изменю своему убеждению, как и взглядам своих единомышленников. Но всех удовлетворит констатация, что археологические изыскания ведутся ради того, чтобы обеспечить познание исторического прошлого, получение исторических выводов.

Если я скажу, что у истории и археологии предмет один, я погрешу против истины, как я ее понимаю, а если заявлю, что эти науки различаются предметом, то вызову волну протестов, хотя уже, вероятно, не столь высокую, как раньше. Но вряд ли последуют сильные возражения, если я скажу, что одна наука

(история) всесторонне изучает именно исторический процесс, сами события прошлого, а другая (археология) — нацелена на такое знание лишь в отдаленной перспективе, а непосредственно, подобно некоторым другим наукам (скажем, палеографии, эпиграфике, текстологии и дипломатике), исследует нечто иное — один вид источников, а именно археологические источники (ну, конечно, чтобы в дальнейшем извлечь из них информацию о прошлом и перевести ее на язык истории, пополнив информацией из других видов источников). Разумеется, это можно понимать и как констатацию того, что у археологии все-таки другой предмет. Пусть кто хочет спасает положение ссылкой на то, что зато *объект* у обеих наук один, — уж очень это отдает схоластикой.

2. История и источниковедение. История изучает прошлое по источникам. Однако источники — не тарелочки, и нужная нам историческая информация не лежит на них распластанной, подобно цыплятам табака, — отрезай на выбор любой кусок и вкушай. Скорее источник похож на закрытую корзину, в которой упрятана неведомая нам тушка — ее предстоит опознать, промыть, выпотрошить и, разделив, сварить со специями. Какое меню составить, как этой пищей накормить людей, пусть думают диетолог и официант, а чтобы ее приготовить, нужен повар. В наш век развернутой специализации и дифференциации наук не обойтись без специалистов по разысканию и препарированию источников — без текстологов, палеографов, сфрагистов, нумизматов, археологов и т. д., словом, без источниковедов. Нет споров о том, правомерно ли выделять источниковедение в особую отрасль науки или даже в особый комплекс наук. Это свершившийся факт. А называть ли эти науки вспомогательными или основными, базисными — это дело вкуса (и амбиций).

Обе науки или, лучше сказать, оба комплекса наук — и история и источниковедение — подразделяются на отдельные дисциплины.

Рано специализировались разные отрасли источниковедения соответственно специфике видов источников — стали отдельными, самостоятельными науками. Так появились: *палеография*, изучающая начертания букв, древние почерки; *эпиграфика*, ведающая надписями на камне; *текстология*, восстанавливающая оригиналы текстов по спискам, часто испорченным; *дипломатика*, извлекающая выводы из формальной стороны древних документов; *геральдика*, использующая гербы для выявления генеалогических и других связей; *нумизматика* — наука о монетах, *сфрагистика* — наука о печатях. Да ведь и повар — не единственный, кто готовит пищу. Особые ее виды поставляют пекарь, кондитер, винодел, пивовар, другие специалисты-кулинары. Работают они очень по-разному: разные виды продуктов требуют разной обработки, разных ее приемов.

3. Археология как источниковедческая наука. В этот ряд источниковедческих наук вполне закономерно вписывается и *археология*. Если уж изучение монет надо отделять от изучения летописей и грамот, то исследование городищ или курганов, амфор или наконечников стрел — и подавно. От летописей, интересных нам главным образом своей текстовой стороной, монеты отличаются прежде всего тем, что это вещи, хоть и с небольшими надписями (обозначениями стоимости). Что уж говорить о вещах без надписей! Можно задуматься над тем, почему монеты отделены в источниковедческом изучении от прочих вещей, но уж от летописей и грамот эти прочие вещи отличаются никак не меньше, чем монеты. Можно задаться и вопросом, стоит ли древние горшки, оружие, украшения и т. п. изучать вместе, в рамках одной науки или лучше это делать порознь. То есть одина ли археология или под ее шапкой скрываются потенциально разные отрасли (предлагалось же, скажем, выделить тафономию — науку о погребениях, велографию — науку о стрелах, и т. п.). Но то, что все они не подвластны палеографии или текстологии — это ясно с первого взгляда: те изучают тексты, эти — вещи (вещи можно, конечно, уподобить текстам, но лишь фигурально, в рамках семиотики). Разные это виды источников, у каждого своя специфика. Для одних требуются одни приемы обработки, для других — другие.

По меткому наблюдению источниковеда-теоретика Л. Н. Пушкарева [16], специфика каждого вида источников определяется способом кодирования информации в них. Археологические источники — это материальные древности, реалии, вещи, а не фиксированные в речи понятия. Историк занимается своей наукой в сфере мышления и речи, археолог — тоже. Но если письменные источники

состоят в той же сфере, то вещественные — в иной. Археологу и предстоит перевести их в эту сферу. Когда мы говорим, что археолог должен понимать «язык вещей» [17], то это все-таки фигуральное выражение. Понимание как раз и состоит в переводе с «языка вещей» на действительно нормальный, естественный язык. Дополнительная трудность этого перевода заключается в том, что если вещи этнографические может объяснить исследователю тот, кто ими пользуется, то археологические вещи — это древности, их пользователей давно нет в живых, традиция понимания оборвана.

Есть науки, так сказать, наполовину источниковедческие, у которых имеются и другие функции, помимо обслуживания истории. Причем нередко именно в этих других заключен основной смысл их существования. Таковы, например, *этнография*, *лингвистика*. Легко понять, что археология не такова. Она существует почти исключительно как отрасль источниковедения (оговорка «почти» связана с тем, что археологические памятники используются и в музеях, и как достопримечательности для туристов, и сомнительно, можно ли свести их ценность в этом плане исключительно к функции источников). Но вот только ли истории могут служить источниками археологические памятники? Видимо, не только, — но и социологии, культурологии, искусствоведению.

4. Два вида синтеза и рубеж. Каждый вид источников в одиночку не дает полного и всестороннего представления об обществе, о культуре, о событиях прошлого. Античные статуи почти никогда не изображают рабов, по скелетам или древней керамике невозможно судить о языке. В этом смысле любой вид источников ущербен, его недостаточно для построения истории. А когда речь идет о древности, то в каждом виде источников оказываются еще и пробелы, лакуны, повреждения, фрагментарность. Восполнить эти пробелы, исправить повреждения, восстановить по фрагментам целое зачастую можно только с помощью других видов источников: они компенсируют неполноту друг друга. И поскольку неполнота эта и поврежденность не локальны, а всепроникающи, требуется не простое сложение, не простое суммирование, а весьма сложный синтез, с построением и проверкой моделей на основе специальных теорий. Поэтому история — наука синтеза. И каждая ее часть строится на синтезе разных видов источников, на интеграции результатов источниковедческих наук.

Всякая аналогия хромает, это известно. Примененная здесь кулинарная аналогия тоже не вполне адекватна ситуации, особенно в своей завершающей части. Историка логично было бы лишь в том случае вполне уподобить диетологу, если бы этот специалист не просто подбирал меню и регулировал трапезы, а, соединив и смешав все продукты, заново переваривал пищу, сдабривая все желудочным соком. С пищей это продлевает уже потребитель. С информацией — историк.

Синтез — не исключительная привилегия истории. Археология тоже осуществляет синтез — внутридисциплинарный синтез. Она склеивает горшки из фрагментов, схожие фибулы (застежки) или наконечники стрел сводит в тип, из взаимосвязанных типов (или из схожих комплексов) формирует археологическую культуру (таковы культуры трипольская, майкопская, латенская, гальштатская, черняховская, роменско-боршевская и т. д.). Формируя свои культуры, она сводит воедино и разнородные виды культурных объектов — керамику, каменные орудия, погребения, руины жилищ, городища. Словом, ее дело — «составление прошлого из обломков» («Piecing together the past»), как определил ее суть В. Годон Чайлд [18]. То есть синтез.

И все-таки не все прошлое она составляет. Ее синтез имеет предел, за которым она должна передать результаты другой науке — истории или социологии. Этот момент наступает не раньше, чем она завершит свою главную источниковедческую функцию — переведет информацию археологического источника из вещной формы в знаковую, в форму естественной речи, в которой осуществляется историческое мышление и делаются исторические исследования. Но определив «не раньше», есть ли смысл указывать «не позже»? Нельзя ли предоставить археологу право вторгаться в историю (соответственно в социологию) как угодно далеко? Нет, нельзя. Есть и отметка «не позже». Она отрезает весь тот ход исследования, где дальнейшая работа невозможна без привлечения принципиально других источников — другого вида. Точнее, других видов. Где,

следовательно, должна вступить в полную силу интеграция наук. Синтез, который подвластен истории, это междисциплинарный синтез.

Правда, уже на начальных этапах археологического исследования требуется информация от смежных источниковедческих наук: на стадии классификации и типологии — от этнографии (о функциональном назначении вещей для разбивки их по «категориям»), на стадии датировки — от геологии и палеонтологии, и т. д. Но это частные взаимодействия. Вопросы же, которые ставят история и социология, всеохватны. Эти науки выявляют причинно-следственную связь и законы социально-исторического процесса, что требует охвата всех сторон жизни общества, а значит, информации от всех источниковедческих наук сразу. Историк и в меньшей мере (поскольку он меньше занят древнейшим прошлым) социолог должны обладать знанием результатов всех источниковедческих наук и умением эти результаты использовать, знанием методов междисциплинарного синтеза.

Поскольку место для рубежа между археологией и историей, так сказать, для передаточного пункта здесь указано в пределах «от» и «до», рубеж оказывается не очень определенным. В своей первой работе о предмете археологии я «крайней» задачей археологии называл включение материальных древностей в систему функциональных связей культуры и в культурно-исторический процесс [12]. В. С. Бочкарев, принципиально со мной согласный, конкретизируя эту идею, ограничивал компетенцию археологии выделением археологических культур [19]. Я относил (и отношу) к археологии еще и формирование трассовых секвенций (последовательностей культур, связанных преемственностью) [12, с. 10]. В. Ф. Генинг от души поиздевался над этим, указывая на недоговоренности и колебания (но в основном недоумевая, как можно подсовывать археологу для занятий культуру и останавливать его перед входом в *настоящую* науку — царство законов и социально-исторических формаций) [9, с. 170—174]. Конечно, уловить точно и конкретно этот переход нелегко. Часто плавный, нерезкий, в разных условиях он различен. Но он есть. Мы ведь различаем день и ночь, несмотря на плавность перехода.

Что же, удерживаясь в границах своей компетенции, археолог не должен ставить исторических вопросов? Не должен решать их? Да, если археолог подготовлен только в рамках своей профессии (а дай бог, чтобы хоть это было на уровне), то он не должен выходить за эти рамки. Надо придерживаться правил профессиональной специализации. Не лезть в соседние источниковедческие науки, как бы это ни было заманчиво, а полагаться на результаты исследований смежников. Не браться самонадеянно за решение проблем истории и социологии, а ждать, пока придет специалист в области исторического синтеза. Если же невтерпеж решать самому эти проблемы, исполать тебе, но будь так добр профессионально освоить вторую для тебя науку, и будем надеяться, что это тебе по силам.

А насчет законов В. Ф. Генинг напрасно иронизировал. В моем представлении законы есть и в археологии, но это другой набор законов. Археолог, конечно, считается с теми законами, которыми оперируют история и социология, — законами общественного устройства и исторического процесса (они нужны ему для построения моделей реконструкции). Но гораздо больше он вынужден опираться на другие законы — те, которые позволяют ему вылушивать из археологического источника заключенную в нем информацию. Это законы, по которым возникал археологический источник: 1) законы определения идей и событий, 2) законы выхода предметов из обихода и их депозитии (отложения), 3) законы археологизации (истлевания и т. п.) отложенных предметов — подробнее я рассматриваю работу археолога с ними в других статьях [20, 21]. Так что и с «чистой археологией» (так называли ее противники) все в порядке: наука как наука.

5. Совмещение и подмена. Но обособились не только отрасли источниковедения. Специализировалось и историческое изучение разных эпох (история первобытного общества, антиковедение, медиевистика, новая история и т. п.) и различных сфер общественной жизни (гражданская история, социальная, история культуры, история техники и т. д.). Специалисты по этим многочисленным отраслям обычно не очень понимают друг друга и, так сказать, проявляют деликатность (интеллигентны же!) — не суют нос к соседям.

Из этих наук некоторые считались особенно близкими к археологии — в разное время разные. В давние времена, скажем, география (археология тогда воспринималась как обзор антиквитетов), позже — история искусства (особенно она сблизилась с античной, классической археологией). Эта смена ориентаций археологии хорошо показана для отечественной науки А. А. Формозовым [22]. В недавнее время ориентация сменилась. Из первого ряда исторических отраслей (специализаций по эпохам) особенно приблизилась к археологии *история первобытного общества*, а из второго (специализации по сферам жизни) — *история материальной культуры*. Они сблизились настолько, что в глазах многих археологов (да и не только археологов) слились; их стали путать.

Для советской науки драматичным и впечатляющим был краткий эпизод «упразднения» марксистской археологии — с заменой ее историей материальной культуры [23—26]. Хотя эпизод и был кратким, он оставил длительный след в виде названия Академии (затем Института) истории материальной культуры — так называлось головное археологическое учреждение страны с 1918 до 1960 г., а в Польше аналогичное учреждение называется так с послевоенного времени до сих пор. Традиция, оказывается, отнюдь не умерла: в 1991 г. предложено назвать так отложившийся от Москвы ленинградский институт. Хотя вроде бы никто не собирается ни отказываться от изучения духовной культуры по археологическим данным (смысл погребального обряда, содержание петроглифов и т. п.), ни доводить изучение техники и бытового инвентаря до современности (хотя и такое предложение аргументировалось философом, курировавшим ленинградскую археологию) [5]. Все же в целом этот эпизод оказался локальным (не вышел за пределы социалистического лагеря) и преходящим.

Гораздо серьезнее совмещение археологии с другой отраслью — историей первобытного общества, преисторией. Если пройти по коридору истфака Ленинградского университета, можно как бы опуститься в глубь веков, читая названия кафедр: «кафедра новой и новейшей истории», «средних веков», «древнего мира»... Следующей ожидаешь увидеть кафедру истории первобытного общества, но ее нет. По соседству с кафедрой истории древнего мира, т. е. античности, находится кафедра археологии, а напротив — кафедра этнографии. Они обе и подменяют собой кафедру истории первобытного общества. На одной кафедре эту историю рассматривают с позиций археологии, на другой — с позиций этнографии. Как синтезировать преисторию, включая и данные антропологии, лингвистики и т. д., не преподают нигде. Такая же картина и в других университетах страны. Археология и этнография подменили собой историю первобытного общества.

Иначе обстоит дело в Германии, но и там подмена налицо, только противоположная. Как и везде на Западе, археология там резко раздвоена: институты, семинары, кафедры — все раздельно. По одну сторону античная, классическая, по другую — отечественная: первобытная и средневековая. Так вот за учреждениями античной археологии сохраняется термин «археология», хотя уточнение «классическая» считается необходимым, и тем самым признается, что существует и другая археология. Но в наименованиях других учреждений ее нет. Кафедры, занимающиеся отечественной первобытностью и древностями средних веков, называются институтами (или семинарами) «преистории и ранней истории» («Vor- und Frühgeschichte») или «праистории и ранней истории» («Ur- und Frühgeschichte»). Хотя как раз исторические задачи занимают там очень мало места: гражданской истории нет, общие проблемы истории культуры решаются не там, а работающие там специалисты занимаются в основном типологией, хронологией, стратиграфией, картографией и, конечно, раскопками. Этому и учат студентов. Для изучения истории первобытного общества археологические источники, само собой, необходимы, и надо добывать их и обрабатывать. И учиться тому, как это делать. А уж коль скоро археология заняла здесь подобающее место, то, требуя специализации и полной отдачи, она практически вытеснила первобытную историю. Подменила ее собой. Средневековую не подменила — у той есть отдельные, свои учреждения, так что уклон коллективов с этикеткой «Frühgeschichte» в археологию для нее не существует. А вот для первобытной это катастрофа: других учреждений, кроме тех, что по ведомству «Vor» или «Urgeschichte», у нее нет.

Есть много причин такой подмены. Тут и влияние фактоописательных тенденций в науке, и неразработанность методов синтеза, и традиционное слияние термина «археология» с занятиями античностью; но более всего тут сказалась различная преимущественная концентрация двух видов источников на шкале времени. И это наиболее важные виды источников — письменные и археологические.

Письменные на поздних этапах истории столь многочисленны, полны и всеобъемлющи, что заслоняют все остальные, вытесняют их. В этих остальных почти нет надобности. Создается обманчивое впечатление, что это в природе истории — что она вообще может строиться на одном виде источников. Аналогичную роль на противоположном конце (для ранних этапов истории) играют вещественные древности. Правда, они не способны полностью заслонить прочие источники. Даже для самой начальной эпохи (соответствующей палеолиту) — попробуйте изучать ее без опоры на этнографию, палеоантропологию, приматологию, палеонтологию, геологию и т. д.! Но иллюзия полноты и всеохватности ведущего вида источников действует и здесь — этот главный источник подвержен тенденции превратиться в исключительный, стать по сути единственным, на котором все строится. Тенденция реализуется. Археология приравнивается к палеоистории, становится в один ряд с ее отраслями, нарезанными по эпохам, и оказывается в самом начале этого ряда.

6. Обоснование подмены. Среди археологов два очага генерировали концепции, в рамках которых методически обосновывалось слияние археологии с палеоисторией и доказывалось, что археологии позволительно и даже необходимо возлагать на себя функции истории и самой, своими средствами решать все исторические проблемы. Один очаг сложился во второй половине 20-х годов в Москве, другой — в начале 60-х в США. Это были очень разные очаги.

Московские археологи второй половины 20-х годов, ученики В. А. Городцова, прошли марксистскую переподготовку у искусствоведа В. М. Фриче, прониклись верой в безусловную и полную детерминированность способом производства как базисом (sic!) всех надстроек в обществе и с увлечением приняли открывшуюся им перспективу. Излагая свое учение, Маркс для примера пояснял, что по типу мельницы (ручная, ветряк, паровая) можно восстановить весь социально-экономический строй общества. Как Кюлье по зубу восстанавливал весь организм вымершего животного. Прямолинейно понимая Маркса, неопиты марксизма А. В. Арциховский, А. Я. Брюсов, С. В. Киселев, А. П. Смирнов (впоследствии видные советские археологи) заключили, что коль скоро археологические источники — это именно средства производства, орудия труда, то, располагая ими и Марксовой схемой, археологи-марксисты не нуждаются в прочих видах источников и вправе восстанавливать исторический процесс без помощи таких наук, как, скажем, этнография и лингвистика. Археология превратилась у них в разновидность истории [27—33].

Очень скоро эти археологи под давлением критики отказались от своих ультрадетерминистских крайностей, от теоретической базы своей концепции, но положение о том, что археология есть история, вооруженная лопатой, так и осталось основным принципом школы Арциховского — Рыбакова, до недавнего времени доминировавшей в советской археологии. Но жива и традиция теоретического обоснования — в наше время позиции «нового археологического направления» конца 20-х годов отстаивает В. Ф. Генинг [9, с. 100—142, 176—205; 34, с. 54—80].

Американская «новая археология» начала 60-х — первой половины 70-х годов тоже приобрела социологическую направленность и увлеклась пандетерминизмом. В запале борьбы против индетерминизма она ударила в противоположную крайность. Те отрицали возможность реконструировать без подсказки этнографии смысл древних комплексов и функции вещественных древностей. Лидер «новой археологии» Л. Бинфорд противопоставил этому представление о том, что в культуре каждый элемент связан со всеми остальными и зависит от них, как они от него. Это напоминает волейбольную сетку, где, за какую ячейку ни потянешь, тотчас изменят форму все остальные. Ближние — сильно, дальние — чуть-чуть, но изменяет все. (Только в культуре это происходит с посредничеством — через субкультуры.) Следовательно, учил Бинфорд, по материальным

и потому сохранившимся компонентам культуры можно восстановить нематериальные и потому несохранившиеся компоненты, не обращаясь к помощи этнографии. Надо лишь установить закономерные соответствия между ними [30]. Все это очень логично и было бы вполне реализуемо, если бы культура была действительно такова — если бы ее элементы и их позиции были в самом деле равноценны по значению и влиятельности. А это не так.

Насколько я могу судить, в «новой археологии» не было пересмотра этой позиции и ее наследники от этого не отказались.

7. Результат подмены. Словом, и советские археологи, и многие западные никак не хотели, да и сейчас не могут признать, что первобытная археология и история первобытного общества (или преистория) — это две разные науки. А они разные. У каждой свои функции и свои методы. Что получается, когда в одну науку вторгаются с методами и навыками другой? Ничего хорошего. Наука опускается в дилетантизм.

Археолог начинает собственными силами и средствами строить из своих памятников и культур историю народа, советский археолог — историю племен (неприменно «племен» — он же читал Энгельса). История у него получается странная, однобокая, как бы тень истории. Ни царствований, ни революций, ни славных имен, ни великих творений слова. Подробные описания землянок, погребений и, конечно, керамики — уйма горшков. Будто люди в истории только и делали, что лепили, обжигали и били горшки. Археолог как историк прослеживает, как одни культуры производятся другими, они взаимодействуют друг с другом и одна другую вытесняют. В лучшем случае строятся догадки о социальной структуре и ее изменениях.

Если же археолог понимает, что не обойтись без других источников, и делает «партизанские вылазки» в другие источниковедческие науки, то обычно, почувствовав там полную волю и не связанный уже вовсе ничем, разбойничает как может, круша методику и насилуя факты [32]. А притащив оттуда добычу, не знает, как эту трофейную информацию интегрировать со своей. Синтезу не обучен.

Еще хуже противоположная подмена — если историк берется сам за археологию (или это мне, как археологу, этот вид подмены кажется более скверным?). Либо, что то же самое, если археолог принимается за дело с образованием и мышлением историка, т. е. с общеисторической подготовкой, но без профессионального археологического образования, а это происходит сплошь да рядом. Ведь если археолог — тот же историк, только с лопатой, то и каких-то особых методов интерпретации ему не требуется. Есть ведь здравый смысл, обыденная логика, приемы исторического комбинирования, а для общей ориентировки — исторический материализм, универсальная методология для всех общественных наук.

Вот и нет у нас на исторических факультетах университетов такой специальности — археология. Только специализация, т. е. дополнительный уклон у историков, добавочные курсы лекций и т. п. На кафедрах археологии методические дисциплины сведены к минимуму, в основном ограничены полевой и лабораторной методикой, ныне еще и математикой. А в археологические институты и музеи часто принимаются люди вообще без профессионального образования — было бы общеисторическое. Считается, что с ним они запросто истолкуют находки. И истолковывают. Немногие профессионалы не могут их поправить, коль скоро и сами убеждены в правомерности распространения исторических методов и принципов на археологию.

Это приводит к общему снижению уровня профессионализма, к ослаблению надежности выводов, предлагаемых учеными. В каждой науке всегда есть слабые работы, продукция бездарей, недоучек и дилетантов. Но в археологии эту сниженность можно проследить по трудам лучших, по вершинам.

Возьмем для примера остеологическую статистику (не ее палеонтологические разработки, а социальную интерпретацию — то, чем она полностью совпадает с вещественными древностями, составляя часть массового археологического материала). Как определить сравнительное значение видов скота в хозяйстве раскопанного поселения? По процентному составу костного материала, конечно. Но как мы это осуществляем на деле?

Вспоминаю Волго-Донскую экспедицию моего учителя проф. М. И. Артамонова. Очень авторитетный и квалифицированный ученый, он не принадлежал к школе Арциховского — Рыбакова, но разделял с нею отношение к археологии как к разновидности истории (в историографическом экскурсе, распределяя ученых по направлениям, я отнес его к тому же пучку направлений в нашей науке — «тривию», т. е. пучку из трех направлений [33]). Экспедиция была многолетней и большой. В ее составе были и палеонтологи, так что определять кости животных можно было в поле. Кости определялись и тщательно фиксировались, а затем их выбрасывали: не было никакой возможности увезти с собой весь костный материал — такое нагромождение было попросту негде хранить. Но что определялось и подсчитывалось? Фрагменты. Сопоставление таких подсчетов мало показательно, потому что, ясное дело, одну кость можно раздробить на очень разное число обломков. А заново уже не подсчитать: материал выброшен.

Надобно определять число голов каждого вида скота (минимальное количество устанавливается по представительству кости, наиболее многочисленной в данной совокупности). Многие современные экспедиции так и поступают, а сравнивая число голов, археологи нередко судят о преобладании того или иного вида. Слишком поспешно. Ведь состав отложившейся на памятнике мертвой совокупности не совпадает с составом живого стада в любой отдельный момент его существования: совокупность накоплена за длительное время, и процентные отношения сильно сместились. Но как восстановить прижизненные соотношения? Даже столь опытные археологи, как В. М. Массон, и Е. Е. Кузьмина (они тоже придерживаются взглядов «тривии» на археологию), полагают (или полагали?), что надо сделать поправку на плодовитость: раз овцы рождаются чаще, чем коровы, то, стало быть, в живом стаде их было больше (у Массона) или меньше (у Кузьминой), чем в отложенной совокупности, и число скелетов надо умножить (или соответственно разделить) на некий коэффициент [34, 35]. На деле с ростом рождаемости изменяется только живое стадо, а на численности мертвой совокупности сказывается нечто иное — средняя продолжительность жизни разных видов: за время жизни одной коровы могло смениться несколько овец или свиней. Значит, число скелетов овец надо не умножать, а делить — и на другой коэффициент!

Но и это еще не все. Ведь сравнительное значение видов скота для обеспеченности обитателей поселка мясом зависит не только от количества голов скота, а от совокупного убойного веса каждой категории, а она зависит и от среднего убойного веса особи. От одного быка можно получить примерно в пять раз больше мяса, чем от одной свиньи или овцы [36]. Снова пересчет. Наконец, надо еще учесть прочую продукцию данного вида — молоко, кожу, шерсть, щетину, да и «приплюсовать» нематериальные выгоды использования данного вида скота (скажем, как тягловую силу или на охоте). Для всего этого надо определить (по убойному возрасту и прочим признакам) тип животноводства в данном обществе — мясное, мясо-молочное и т. п.

В итоге вывод методологически подготовленного археолога-профессионала, сведущего в теории археологии, будет очень отличаться как от скороспелых заключений археолога-эмпириста, уверенного, что археологические факты сами за себя говорят, так и от поверхностных заключений интерпретатора с широким общеисторическим образованием и с убежденностью, что оно даст отмычку к любым загадкам прошлого.

8. Эмпиризм и историзм. Любопытно, как очень разные методологические перекосы приводят к схожему сужению фронта наук.

В Германии традиционно сильны позиции эмпиризма — со времен Ранке, с его призывом к историкам, не мудрствуя лукаво, рассказывать, как, собственно, было дело («wie es eigentlich gewesen»). Поэтому немецким ученым легко было принять отождествление, по которому солидная фактоописательная археология — это именно то, что нужно для существования первобытной истории, и все, что для нее нужно. Две науки исчезли, слились в одну. Но слияние произошло на базе археологии, поэтому ущерб для нее был не столь велик, как у нас.

У нас традиция другая. Марксизм насадил в нашей стране культ истории, причем сильно теоретизированной, социологизированной, философствующей истории. У нас работники всех наук об обществе и культуре присягали принципу

историзма, заклинали и клялись им. Первоначально под этим имелось в виду методическое требование рассматривать все вещи в развитии и взаимосвязи. Но заметно оно подменилось подтягиванием всех этих наук к истории и, поелику возможно, включением в нее. Повсеместно приводится цитата из Маркса и Энгельса: «Есть только одна наука — наука истории» [37, с. 16], хотя это цитата из очень ранней работы этих авторов, и даже тогда она была ими ... вычеркнута из текста, а цитируют ее по черновику (не упоминая об этом). Молодые Маркс и Энгельс были все-таки умнее своих поздних эпигонов. Археология, этнография, искусствоведение осели на исторических факультетах. Историзм археологии стал пониматься как утверждение ее буквальной включенности в историю на правах раздела [38]. На месте первобытной истории. Стяжение произошло и здесь.

9. Отрезвление. Только недавно началось отрезвление. «Тогда считать мы стали раны, товарищей считать». Из первых поначалу робких, позже все более резких критических замечаний стало складываться реальное представление о том, какой гигантский ущерб советской археологии нанесла эта бездумная «историзация» — небрежение источниковедческой работой, забвение надежной относительной хронологии ради куда менее надежной абсолютной, подмена классификационных понятий готовыми интерпретационными ярлычками и т. д. [33, с. 286—290; 39—41]. Мы сильно отстали в археологии от передовых стран Запада. Наша археология ныне носит глубоко провинциальный характер, и не только из-за бедности и технической отсталости.

Ничего хорошего не принесла и истории ее победоносная экспансия. Первобытная история практически не конституирована, методика преисторического синтеза не разработана, в конкретных методологических проблемах (например, соотношение этноса и археологической культуры) топчемся на месте.

История и археология — разные науки, и слияние их вредно для обеих. Мы упорно создавали кентавра из всадника и коня. Принимая две науки за одну, мы путали требования к ним, смешивали результаты, не различали методов. То и дело пытаюсь подковать всадника и обуть коня в галоши, мы удивлялись тому, что кентавр не бежит от этого быстрее. А теперь боимся операции рассечения кентавра — не оказалась бы губительной. Да ведь и сиамских близнецов разделяют, а уж они-то от рождения слитны, тогда как наш кентавр — искусственно созданный. Собственно, он миф. А миф не может работать. И единая «археологоистория» тоже миф, один из многих мифов нашего идеологизированного общества. А реален лишь рабочий контакт археологии с историей.

Да, в этой паре археологии принадлежит роль коня, а не всадника. Если кому-либо из археологов это покажется унизительным для нее, то лишь потому, что он отождествляет ее с собой. А это вовсе не с очевидностью для нее почетно. Не забудем также, что археология не единственная наука, которой принадлежит эта функция. Да и палеоистория — совсем не всадник. Ее напрасно заставляли скакать верхом на одном коне — это не в ее привычках и не в ее интересе. У палеоистории тяжелая колымага проблем, которую стронуть с места не под силу даже тройке или квадриге: тут требуется много лошадей, впряженных то веером, то цугом. Нужна интеграция источниковедческих наук, в которой, однако, почетное место принадлежит квадриге: археология, этнография, палеоантропология, лингвистика.

Лошадка письменных источников появляется в самом конце и сигнализирует переход (в рамках палеоистории) от преистории к истории. Она-то и сгодится для верховой езды, поскольку другой породы. Более того, для последних разделов истории обработки письменных источников вообще почти не требуется. Там-то и возникает основа для слияния всадника и коня в одну фигуру — но другого всадника и другого коня. Ни археология, ни палеоистория к этому не причастны.

Список литературы

1. Григорьев Г. П. О предмете археологии // Тез. докл. сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. М., 1973. С. 41—43.
2. Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований // Материалы симпозиума. Л., 1975 (статьи М. В. Аникивича, В. Н. Боряза, Ю. Н. Захарука, А. Н. Рогачева).

3. Генинг В. Ф. Объект и предмет археологии//Новейшие открытия советских археологов. Киев, 1975. С. 14—17.
4. Генинг В. Ф. Специфический предмет и некоторые актуальные задачи современной археологии//Вопр. археологии Урала. Вып. 13. 1975. С. 5—16.
5. Борзяк В. Н. Методологические предпосылки и принципы определения объекта археологической науки//Материалистическая диалектика и частные науки. Л., 1976. С. 185—216.
6. Генинг В. Ф., Викторова В. Д. О предмете археологической науки//Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск, 1977. С. 3—9.
7. Захарук Ю. Н. Спорные вопросы объекта и предмета археологии//Краткие сообщ. Ин-та археологии АН СССР. Вып. 152. М., 1978. С. 7—17.
8. Рогачев А. Н. О предмете и методе первобытной археологии//Там же. С. 17—23.
9. Генинг В. Ф. Объект и предмет науки в археологии. Киев, 1983.
10. Захарук Ю. Н. Археология — наука историческая или источниковедческая?//Сов. археология. 1989. № 3. С. 207—214.
11. Генинг В. Ф. Археология — целостная научная система или «дилетантские вылазки» и «полу-фабрикат знания». (По поводу концепции объекта и предмета археологии Л. С. Клейна)//Сов. археология. 1989. № 3. С. 215—228.
12. Клейн Л. С. Предмет археологии//Археология Южной Сибири. Кемерово, 1977. С. 3—14.
13. Клейн Л. С. Археологические источники. Л., 1978.
14. Клейн Л. С. О предмете археологии//Сов. археология. 1986. № 3. С. 209—219.
15. Клейн Л. С. В защиту «чистой археологии»//Там же. 1991. № 2. С. 102—110.
16. Пушкин Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 248.
17. Клейн Л. С. О языке вещей//Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 16—17.
18. Childe V. G. Piecing together the past: the interpretation of archaeological data. L., 1956.
19. Бочкарев В. С. К вопросу о структуре археологического исследования//Тез. докл. сессии, посвященной итогам полевых исследований 1972 г. в СССР. М., 1973. С. 35—40.
20. Клейн Л. С. Структура археологической теории//Вопр. философии. 1980. № 2. С. 100—103.
21. Клейн Л. С. Теории в археологии//Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С. 36—39.
22. Формозов А. А. Очерки по истории русской археологии. М., 1961.
23. Равдоникас В. И. За марксистскую историю материальной культуры//Изв. ГАИМК. 1930. Т. 7. Вып. 3—4.
24. Быковский С. Н. О предмете истории материальной культуры//Сообщ. ГАИМК. 1932. № 1/2. С. 3—6.
25. Быковский С. Н. Возможна ли марксистская археология//Тез. докл. Всероссийского археолого-этнографического совещания. Л., 1932. С. 8.
26. Арциховский А. В., Киселев С. Н., Смирнов А. П. Возникновение, развитие и исчезновение «марксистской археологии»//Сообщ. ГАИМК. 1932. № 1/2. С. 46—48.
27. Арциховский А. В. Социологическое значение эволюции земледельческих орудий//Тр. социологической секции РАНИОН. Т. 1. 1927. С. 123—135.
28. Труды секции теории и методологии РАНИОН. Т. 2. 1928. С. 9—90 (работы Брюсов А. Я. Восстановление общественно-экономических формаций в культурах неолитического типа; Киселев С. Н. Поселение. Социологический очерк; Смирнов А. П. Социально-экономический строй восточных финнов IX—XIII веков нашей эры).
29. Арциховский А. В. Новые методы археологии//Историк-марксист. 1929. Т. 14. С. 139—140, 151.
30. Генинг В. Ф. Очерки по истории советской археологии. (У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е — первая половина 30-х годов). Киев, 1982.
31. Binford L. R. An archaeological perspective. N. Y.; L., 1972. P. 23, 94, 222—229.
32. Клейн Л. С. Языческий подход к лингвистике//Сов. славяноведение. 1991. № 4.
33. Bulkin V. A., Klejn L. S., Lebedev G. S. Attainments and problems of Soviet archaeology//World Archaeology. 1982. V. 13. P. 280.
34. Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976. С. 34.
35. Кузьмина Е. Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986. С. 33.
36. Паавер К. Л. К методике определения относительного значения видов и групп млекопитающих в остеологическом материале из раскопок археологических памятников//Изв. АН Эстонской ССР. Сер. биол. 1958. № 4. С. 277—290.
37. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология//Сочинения. Т. 3. 1955.
38. Рыбаков Б. А. Историзм археологии//Краткие сообщ. Ин-та археологии АН СССР. Вып. 152. М., 1978. С. 5—7.
39. Клейн Л. С. и др. Дискуссия об археологической культуре в Проблемном семинаре Ленинградского университета//Сов. археология. 1970. № 2. С. 300—301.
40. Формозов А. А. О критике источников в археологии//Сов. археология. 1977. № 1. С. 5—14.
41. Смирнов Ю. А., Тендрякова М. В. О роли обыденного сознания в археологической реконструкции: погребальный обряд//Краткие сообщ. Ин-та археологии АН СССР. Вып. 201. М., 1990. С. 72—73.

Э. Н. МИРЗОЯН

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОЛОГИИ: ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ Д. Н. КАШКАРОВА

На протяжении столетий естествоиспытатели подчеркивали роль окружающей среды в судьбах человечества [1]. В наши дни мировое сообщество наконец осознало, что его общее будущее неразрывно связано с сохранением биосферы [2]. Всем ходом своего развития цивилизация поставлена перед необходимостью взять на себя управление глобальными процессами, составляющими основу жизнедеятельности и эволюции биосферы. Одним из первых на это указал В. Н. Беклемишев, однако предупреждение выдающегося биоценолога упорно замалчивалось [3]. Чтобы решить проблему такого масштаба, как управление биосферой, естествознание принуждено мобилизовать все свои ресурсы и, прежде всего, конечно, пересмотреть под этим углом арсеналы экологии.

Неотъемлемой частью такой обобщающей работы призваны стать исследования по истории экологии, и в особенности отечественной. Нельзя забывать о том, что процесс деформации затронул в нашей стране не только генетику. Критика генетики была использована в качестве плацдарма для куда более широкого наступления. Удар был нанесен по всей теоретической биологии, и в первую очередь по ее сердцевине — эволюционной биологии. Сначала — под флагом защиты дарвинизма! — Т. Д. Лысенко повел борьбу с Н. И. Вавиловым, осуществившим синтез теории эволюции и генетики в интересах как биологии, так и селекции [4]. Затем и дарвинизм был дискредитирован Т. Д. Лысенко как созерцательное и плоскоэволюционное учение. Итоги нового широкого эволюционного синтеза, воплощенные в труде акад. И. И. Шмальгаузена «Проблемы дарвинизма» (1946), подверглись разностной критике на августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Вслед за этим был учинен разгром учения акад. А. Н. Северцова, создавшего современную теорию макроэволюции органического мира. Сессия двух академий — АН СССР и АМН СССР — в 1950 г. нанесла болезненный удар по лидеру эволюционной физиологии акад. Л. А. Орбели; развиваемые им направления исследований были резко заторможены. Критике подвергся лидер эволюционной палеонтологии акад. А. А. Борисяк. Ранее, начиная с 30-х годов, необоснованная критика велась в адрес основоположника эволюционной гистологии акад. А. А. Заварзина; созданное им учение о закономерностях эволюции тканей подвергалось нападкам. Прекратили свое существование два мощных центра эволюционной мысли во главе с Н. К. Кольцовым и С. С. Четвериковым. На протяжении нескольких десятилетий объектом мало компетентной критики служила экология. Упреки в серьезных философских ошибках в 20—30-е годы обрушились на ведущих фитоценологов и биоценологов страны — И. К. Пачосского, Л. Г. Раменского, А. П. Ильинского, В. В. Алехина, В. Н. Сукачева, Д. Н. Кашкарова, В. Н. Беклемишева. В 30-е годы личное вмешательство Т. Д. Лысенко и И. И. Презента положило конец развитию плодотворного направления в биоценологии, созданного В. В. Станчинским, что трагически отразилось на судьбе этого талантливого ученого. В начале 50-х годов Т. Д. Лысенко предпринял попытку ошельмовать биогеоценологию и ее признанного лидера акад. В. Н. Сукачева. И В. Н. Сукачев, и В. В. Станчинский прилагали усилия для синтеза биоценологии с теорией эволюции, принципами